

Далеко позади в полярной ночи остались огни аэропорта, принявшего московский борт и тут же закрывшегося из-за бокового ветра. Надвигалась пурга. Из тьмы крошечной к дороге подступали силуэты каких-то строений, белые от вечной изморози, просолившей кирпич, металл и бетон, отступали и вновь придвигались, становились все выше и шире, огни сварки и прожектора были словно бы обескровлены завесой тяжелого дыма.

Один из попутчиков обернулся ко мне:

- Вот так древние представляли себе ад!..

Был конец декабря-1990 года. Я прилетел в Норильск на премьеру своей пьесы. Спектакль назывался: "Придурки или Урок драматического искусства. Постановка комедии А.Н.Островского "Без вины виноватые" во втором отделении Норильлага в апреле 1945 года"...

В заполярном Норильске любят слово "самый". Самый северный в стране город. Самое крупное месторождение медно-никелевых руд. Самый мощный горно-металлургический комбинат. Самая высокая рождаемость. Годы гласности прибавили к набору "самого-самого" не слишком приятную информацию. Оказалось, Норильск занимает самое первое место в Союзе и в мире, разумеется, тоже по количеству вредных веществ, которые комбинат осыпает на душу, а вернее - на головы населения. И как прямое следствие: самая короткая средняя продолжительность жизни, самый высокий удельный вес онкологических и легочных заболеваний.

До театра ли тут!

Впрочем, а в других городах, без заполярных страстей-мордастей, но с выматывающими нервы очередями и пустыми прилавками, с еже часной борьбой за существование? До театра ли?

И все же. Каждый вечер оживает пятачок Театральной площади в самом центре города, из замяти пурги или морозного тумана появляются люди, упакованные в шубы, меховые шапки и шарфы до глаз, поднимаются по широкой лестнице и скрываются в уютном холле театра, здание которого, несколько лет назад построенное на собственные средства Норильского комбината, в городе называют - трамплин. Выполненное в конструктивистском духе, облицованное серым диким камнем, оно, действительно, своими очертаниями напоминает горнолыжный трамплин - из-за крутого ската кровли, скрывающей закулисную театральную машинерию. Внутри - белый мрамор, дорогие породы дерева, хрусталь люстр и уютный, на шестьсот мест, зал, который никогда не бывает пуст.

Для жителей Норильска год работы засчитывается в трудовой стаж за полтора, а зарплата из-за "полярки" в два с лишним раза выше, чем "на материке". Если бы этот коэффициент приложить к театральной статистике (что было бы справедливо: поди-ка вымани человека в полярную ночь из уютной квартиры!), то выяснилось бы, что норильский театр работает с постоянным переапплагом. Но и без того средняя заполняемость зала даже не в самые удачные сезоны не опускается ниже 65-70 процентов.

Народ толпится - значит, что-то дают.

Что же дают в норильском театре, который в декабря 1991 года отметит пятидесятилетие своего существования?

Да, декабрь 1941 года - первые спектакли норильского городского театра. Самая тяжелая пора войны. Норильск тех лет - один из самых страшных островов Гулага. Более 200 тысяч "зэ-

Не
слишком
юбилейные
заметки
по поводу
одного
юбилея

ТЕАТР ВРЕМЕН СТАЛИНА И ГОРБАЧЕВА

ков", в основном - 58-я, "политическая" статья, "враги народа". В рудниках, в котлованах спешно возводимых заводских корпусов, у первых полукустарных печей металлургического комбината, призванного как можно быстрее дать никель для танковых заводов страны. Любой ценой. Узнаем ли мы когда-нибудь эту цену?

Мертвые пространства тундры, утыканные бараками и даже палатками, обнесенные многорядной "колючкой", автоматчики на вышках. Там, где сейчас центральный проспект города (Ленинский, конечно) - зона. По ней гоняли рабочие бригады из бараков на стройку. Как рассказывают редкие уже старожилы - даже без конвоя. По бокам - та же колючка, да и куда убежишь: тундра на тысячи километров вокруг. Какой-то из эков ходил без шапки. Он был совершенно лысый, голову мазал собачьим жиром, в свете заливавших зону прожекторов лысина его сверкала. По нему определяли время: туда - значит, семь утра, обратно - значит, уже десять вечера, время "съемки". Потом он исчез. Надолго редко кого хватало.

В условиях этого ада и появились в городе первые афишки новорожденного театра: "Ветка сирени", лирическая комедия в двух действиях...

До встречи с первым директором норильского театра Григорием Александровичем Бороденко (сейчас это глубокий пенсионер, живет в курортном городке Алушка на южном берегу Крыма) я был уверен, что своим рождением норильский театр обязан курьезу чисто советского свойства. Вероятно, решение о театре было принято еще до войны, а потом оно выполнялось уже чисто по инерции. Но оказалось - нет. Именно с началом войны молодой актер Григорий Бороденко остался без работы, так как уральский театр, где он играл, закрылся из-за всеобщей мобилизации. Бороденко по состоянию здоровья на фронт не попал, вернулся на свою родину, в Красноярск, тут-то и узнал, что в Норильске хотят иметь свой театр. Нашелся антрепренер, сколотили труппу, и в один из сентябрьских дней артисты будущего театра собрались на пристани, чтобы на пароходе плыть в Дудинку, а оттуда, по узкоколейке, ехать в Норильск. Вот как об этом рассказывал сам Бороденко:

- Собрались, ждем. Антрепренера нет. А у него и билеты, и деньги. Пароход вот-вот отчалит. Прорвался я к капитану, объяснил, что и как. Он переговорил с кем-то из норильского начальства, раздалась команда: "Пустить артистов!" Погрузились, плывем. Но денег-то ни у кого нет. А многие с детьми. Первые дни ели то, что прихватили из дома. А дальше? Плыть-то целую неделю! Выход нашлся неожиданный. Я

обратил внимание, что в кают-компаниях после завтрака собираются тогдашние норильские тузы, из руководителей стройки, и играют в преферанс. Я подсел посмотреть, в преферанс я играл прилично. Им как раз четвертого не хватало, и оказался кстати. Но когда я увидел, по каким ставкам они играют, у меня в глазах потемнело. К счастью, игроки они были так себе, при этом во время игры не отказывали себе в удовольствии пропускать стаканчик за стаканчиком поленисейскую стерлядку, так что к концу игры у меня случалось до нескольких тысяч рублей выигрыша. Это при том, что как актер я зарабатывал тогда рублей по 700 в месяц. На эти деньги вся наша труппа и добралась до Норильска...

Мои изыскания привели к неожиданному открытию, обогатившему набор "самых-самых" определений Норильска. В годы войны и особенно в первые послевоенные годы Норильск был самым театральным городом - если не мира, то уж страны-то точно. Сегодня в 9-миллионной Москве всего четыре десятка театров, а в двухсоттысячном Норильске тех лет постоянно работало до 15-17 театров, а число премьер в год доходило до полусотни и больше. Все театры были лагерные, в них играли заключенные бывшие актеры, режиссеры, музыканты из лучших коллективов страны. И только один театр был "вольный" - тот, который с первых дней возглавил Григорий Бороденко.

Здесь же и разгадка тайны рождения норильского театра. Дело в том, что лагерные театры давали спектакли только для заключенных. По крайней мере, так полагалось.

Правило, конечно, не выполнялось. На каждую премьеру являлось энкавэдэшное начальство, под предлогом контроля, их жены, знакомые. Ну, где бы они еще могли послушать знаменитую Лидию Русланову, Головина или других и вестнейших певцов и актеров! И получалось, что начальству как бы и не положено то, на что им законное право последний доходяга из эков. Это ощущение социальной несправедливости привело к мысли создать свой театр. Война? И что? Тогдашние бонзы, как, впрочем, и ныне, не любили себе в чем-то отказывать. Так начал жить этот заполярный театр, как и десятки других театров по всему Гулагу - от Воркуты Магадана и от Джезказгана до Соловков...

"Жизнь тяжелая", - привычно говорим сегодня, пытаясь объяснить кризис театра. А как же была легкая?

Нет, не совпадают пик "театрального бума" с чрезвычайно редкими периодами

(Окончание на стр. 6)